
ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Ч.Г. АНДРЕЕВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В хозяйстве народов Восточной Сибири известную роль играла охота. В конце XIX в. у иркутских бурят охотой занималось 1909 хозяйств, то есть почти десятая часть трудоспособных мужчин. Наиболее была распространена охота у нижнеудинских, тункинских, балаганских, аларских бурят и достаточно развита у верхоленских, еланцинских и кутульских. У забайкальских бурят к охоте в 1897 г. было причастно 1 754 хозяйств, или 6,7% всех наличных хозяйств (*ГАЧО. Ф. 19, оп. 3, д. 724., л. 136*). У хакасов охота в начале XX в. была распространена в Аскизском и Кызыльском ведомстве (соответственно 541 и 238 хозяйств) и наименее в Абаканском ведомстве (71 хозяйство), всего охотой занималось 11% мужского населения (*РГИА. Ф. 391, оп. 4, д. 1923., л. 26*). В конце XIX–начале XX вв. охотой занималось следующее количество якутов: в Якутском округе 6 150 (9% мужского населения), в Олекминском округе 140 (2,5%), в Вилюйском округе 1 749 (6%) (*РГИА. Ф. 1291, оп. 84, д. 58, л. 4*). В северных округах Якутии (Верхоянском, Туруханском, Колымском) охотой занималось от 35 до 100% мужского населения (*Там же, л. 5*).

Охота у аборигенов Сибири дифференцировалась на охоту на мясного зверя, птиц, добычу пушнины, промысел морского зверя, получение лекарственного сырья. Охотились за дикими козами, лосем («сохатый»), изюбром (маралом), кабаргою, медведем, а также водными птицами (утки, гуси, лебеди) и горными, лесными и полевыми птицами (куропатки, рябчики, кулики и др.). В выборе объекта охоты у народов Восточной Сибири имелась тенденция к сохранению взрослых репродуктивных диких животных. В брачный период крупных копытных зверей охотились в основном на молодых самцов, не имевших брачных пар. По окончании гона зверей аборигены не промышляли самок изюбров, лосей и других животных, что способствовало сохранению эффективности охотничьих угодий.

Охотничье право народов Восточной Сибири сохранило следы первобытнообщинных отношений, выразившихся в равном участии всех членов рода в охоте и в разделе продуктов добычи. Наиболее древней формой охоты, объединявшей большое количество родов, являлась об-

лавная охота. Еще в XVII–XVIII вв. она устраивалась систематически, но к концу XIX в. приобрела эпизодический характер. Степень распространения охоты в разнотипной экологической среде не была одинаковой. Доля ее возрастала в лесотаежной зоне и уменьшалась в степной. Например, в Забайкалье охота была наиболее развита у закаменских и окинских бурят. Существование лесотаежной и степной охоты достигалось их специализацией: степная — это конная и коллективная для облавы и загона зверей; лесотаежная — это индивидуальная охота на зверя путем подманивания, засады.

Орудия охотничьего промысла у сибирских народов были весьма примитивны: лук со стрелами из железного наконечника, различные петли, силки, ловушки и другие. Широкое распространение имели кремневые ружья, с середины XIX в. они стали вытесняться пистонными ружьями. В начале XX в. в местах, где была возможность получить необходимые боеприпасы, распространились в небольшом количестве дробовики, винтовки. В то же время стали применять железные капканы, которые значительно увеличили лов пушных зверьков. Особенность охотничьего промысла состояла в его товарности, так как только некоторые добытые животные потреблялись в собственном хозяйстве. Большая же часть добычи шла на продажу. Наиболее распространенным объектом охоты были пушные зверьки (белка, соболь, заяц, горностай, хорек, сурок-тарбаган, лисица, рысь, росомаха). Добыча белок и соболей приносила большой доход охотникам. Хакасы, например, промыслом белки зарабатывали в начале XX в. от 5 до 50 р. на двор (*Рукоп. фонд Хак. НИИЯЛИ, инв. № 498, л. 46*).

Истребление пушных зверей в Сибири привело к сокращению соболинного промысла еще в конце XVIII в. О заметном уменьшении этого промыслового зверя говорит и тот факт, что в начале ясак с сибирских народов взимался соболями и другой пушниной без особых затруднений. В дальнейшем происходит значительное сокращение доли пушного ясака. Пушная охота на рубеже XIX–начала XX вв. проводилась в основном артелями. Преимущества артельной охоты перед индивидуальной в том, что охватывалась обширная территория, значительно уменьшилась степень случайности и др. В артелях народов Сибири, в отличие от русского населения, наблюдалась тенденция к сохранению родственных принципов при их организации и архаичных элементов в способах распределения добычи (*Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 50*).

Иркутские буряты на острове Ольхон занимались промыслом на морского зверя (нерпу). Продукты данной охоты (жир, мясо, шкура нерпы) находили применение в личном хозяйстве поступали на рынок сбыта. Нерпичий жир и сало широко применяли в кожевенной промышленности, для освещения шахт, мыловарении. Одной из особенностей охоты бурят, якутов, хакасов являлось ее ориентация на добычу лекарственного сырья животного происхождения. При охоте на изюбра главной задачей являлась добыча его рогов (пантов). У кабарги ценилась ее мускусная железа,

общеизвестны были лечебные свойства медвежьего жира и желчи. Многие из перечисленного сбывалось в Китай, где оно шло на изготовление лекарств. Охотники от продажи этого сырья получали немало дохода.

В начале XX в. происходит значительное сокращение доли аборигенных хозяйств, занимавшихся охотой. Например, у хакасов с 1890 по 1910 гг. с 38,2% до 26,5% в Аскизском ведомстве и с 22,4% до 18,5% в Кызыльском (РГИА. Ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 32). Аналогичная ситуация наблюдалась у якутов и бурятов. Причина, главным образом, заключалась в возрастании роли земледелия и процессом интенсификации скотоводства. Хищническая добыча пушных зверей, особенно соболя, в товарных целях привела к резкому сокращению их численности. Огромный вред состоянию природной среды наносили расчистки леса под пашни, а также сведение лесов для промышленных нужд и строительства железной дороги. В результате этого уничтожались места обитания животных.

Другим подсобным занятием коренного населения Восточной Сибири было рыболовство. Здесь также отмечается зависимость удельного веса этого занятия от наличия благоприятных природных условий. Особенно оно было развито в общинах, живших возле крупных рек и озер. Среди забайкальских бурят в начале XX в. рыболовством занималось 566 хозяйств, что составляло 2,1% по отношению к общему числу хозяйств (ГАЧО. Ф. 19, оп. 3, д. 724, л. 135 об). Это были, главным образом, буряты Кударинского ведомства, проживавшие около озера Байкал. В Иркутской губернии рыболовством занимались ольхонские буряты. Предметом промысла бурятских рыбаков были такие виды рыб: омуль, хариус, сиг и др.

У якутов рыболовство было сильно развито на севере области и в низовьях больших якутских рек. Для остальных аборигенов рыболовство было только подспорьем в их хозяйстве. В озерах и реках Якутии местные жители ловили следующие виды рыб: осетр, нельма, таймень, ленок и др. В начале XX в. в трех южных округах (Якутским, Олекминском, Вилуйском) рыболовством занималось всего 7 755 хозяйств. В среднем ежегодно они добывали более 100 тыс. пудов рыбы (РГИА. Ф. 1291, оп. 84, д. 58, л. 4об). Основную массу ее составляла «мундушка» — маленькая озерная рыбка. У хакасов рыболовство играло существенную роль только на севере у кызыльцев. В остальных районах Хакасии рыболовство имело меньшее значение.

Способы и методы лова, виды орудия зависели от вида рыбалки, формы, сезона. Необходимо было знать особенности поведения рыб, времени и характера открытия водоемов и ледостава, учитывать метеорологические условия и природные особенности местности, применяя отвечающие природным условиям рациональные орудия лова. Ловили рыбу различными способами: удили, неводили, били острой, ставили сети. Пользовались мордой (верши), сплетенной из прутьев тальника; сетью из конских волос, переметом. Существовали особые божеества, которые по мнению аборигенов, покровительствовали рыбакам. У бурят

это был Упан-хат. Общение с русскими отразилось не только на способах рыболовства, но и на различных рыбацких суевериях. В.Л. Серошевский отмечал: «Якутский рыбак не дает рыбаку, не состоящему с ним в артели, наживы из собственной коробки. Никогда не позволит прикоснуться к ним незнакомцу и даже не любит, когда осматривают его снасти. Это портит счастье» (*Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993. С. 286–287*).

В конце XIX–начале XX вв. промысел рыбы у народов Восточной Сибири приобрел широкое товарное значение. Стали применяться крупные орудия лова в виде больших сетей и неводов в запрещенные сроки и в больших масштабах, что в определенной степени подорвало воспроизводство рыбы, сократилась ее добыча. Рыба вывозилась для продажи на золотые прииски и в города (Якутск, Иркутск, Бодайбо, Минусинск и др.). Негативное влияние на состояние рыбного промысла оказало сведение лесов и загрязнение водоемов. Вырубки и пожары лесных массивов приводили к обмелению рек, нарушению жизненно важных процессов водных организмов, изменялся экологический баланс водной и прибрежной территории.

И.В. КУРЫШОВА

ЗНАЧЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА ДЛЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Необходимость ограничения природопользования, его рационализации осознавалась широкими слоями населения, несмотря на трансформацию экологических традиций. Ограниченность природных ресурсов в нелегких климатических и географических условиях Сибири диктовала подчинение индивидуальных интересов интересам общественным.

В традициях образа жизни населения, в единстве с природой заключается самая естественная форма экологического воспитания и образования. К экологическим традициям русского старожильческого и инородческого населения Байкальского региона не раз обращались отечественные исследователи, этот вопрос достаточно хорошо разработан в исторической литературе (*См., например: Абаев Н.В., Герасимова К.М., Железнов А.И. и др. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск: ВО Наука, 1992. С. 32, 34; Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 26, 28, 42; Жамбалова С.Г. Традиционная охота у бурят. Новосибирск: Наука, 1991. С. 144–145, 129–130*). Народные традиции рационального природопользования касались как охоты и рыболовства, так и пользования лесными угодьями.

Среди коренного населения региона человек рассматривался как часть природы. Природа же обожествлялась, силы природы признавались приоритетными по отношению к человеку. Поэтому природоохранные тради-